

Андрей Россомакхин

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

Andrey Rossomakhin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

«ЕСЛИ Я ОБРАЩУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЧАСЫ...»
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ

«IF I TURN MANKIND INTO A CLOCK...»
BY VELIMIR KHLEBNIKOV: AN EXERCISE
IN COMMENTARY

Статья посвящена детальному разбору одного из последних стихотворений Велимира Хлебникова — «Если я обращу человечество в часы...», опубликованного самим автором в манифестарной листовке-буклете *Вестник Велимира Хлебникова № 1* (март 1922), а затем включенного в качестве стихотворного пролога в *Доски Судьбы* — незавершенный прогностический труд, над которым поэт-утопист работал много лет, вплоть до конца своих дней.

Комментаторские глоссы призваны дешифровать «темноты» текста, а также продемонстрировать его особый статус. Стихотворение на разных уровнях пронизывает пафос demiурга, открывшего законы не только человеческого бытия, но и всей Вселенной. Стихотворение можно признать своеобразным итогом целого комплекса антимилитаристских текстов Хлебникова, одна из целей которого — уничтожить государство как институцию, препятствующую объединению человечества.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, *Доски Судьбы*, Председатель Земного Шара, комментарий.

The article offers a detailed analysis of one of Velimir Khlebnikov's final poems — "If I Turn Mankind into a Clock..." — first published by the author himself in the manifest-like pamphlet *The Herald of Velimir Khlebnikov, No 1* (March 1922), and later included as a poetic prologue to *The Tables of Fate (Doski Sud'by)*, a cyclopean yet unfinished prognostic work that the utopian poet labored on for many years until the end of his life.

The commentary glosses aim to decipher the obscurities of the text while also highlighting its special status. The poem is imbued on multiple levels with the pathos of a demiurge who has uncovered the laws governing not only human existence but the Universe

as a whole. It may be regarded as a kind of summation of Khlebnikov's broader anti-militarist corpus, one of whose central aims is the dismantling of the state as an institution that obstructs the unification of humanity.

Key words: Velimir Khlebnikov, *The Tables of Fate (Doski Sud'by)*, Chairman of the Terrestrial Sphere, commentary.

* * *

1. Если я обращаю человечество в часы^I
2. И покажу, как стрелка столетия движется,
3. Неужели из нашей времен полосы
4. Не вылетит война, как ненужная ижица^{II}?
5. Там, где род людей себе нажил почечуй^{III},
6. Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны^{IV},
7. Я вам расскажу, что я из будущего чую,
8. Мои зачеловеческие сны^V.
9. Я знаю, что вы — правоверные волки^{VI},
10. Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои^{VII},
11. Но неужели вы не слышите шорох судьбы-иголки^{VIII},
12. Этой чудесной швей?
13. Я затоплю моей силой мысли потопом^{IX}
14. Постройки существующих правительств,
15. Сказочно выросший Китеж^X
16. Открою глупости старой холопам.
17. И когда председателей земного шара шайка
18. Будет брошена страшному голоду зеленой коркой,
19. Каждого правительства существующего гайка^{XI}
20. Будет послушна нашей отвертке.
21. И когда девушка с бородой^{XII}
22. Бросит обещанный камень,
23. Вы скажете: «Это то,
24. Что мы ждали веками».
25. Часы человечества, тикая,
26. Стрелкой моей мысли двигайте!
27. Пусть эти вырастут самоубийством правительств^{XIII} и книгой — те.
28. Будет земля бесповеликая^{XIV}!
29. Предземшаровеликая!
30. Будь ей песнь повиликою^{XV}:
31. Я расскажу, что вселенная — с копотью спичка^{XVI}
32. На лице счета.
33. И моя мысль — точно отмычка
34. Для двери, за ней застрелившийся кто-то...^{XVII}

<28 января 1922>^{XVIII}

1.

Стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» впервые было опубликовано в манифестарной листовке-буклете *Вестник Велимира Хлебникова № 1* (вопреки указанию «Москва, февраль 1922», напечатанному на обложке листовки, тираж был отпечатан в несколько приемов в конце марта/начале апреля; тираж составил не более 100 экземпляров).

Одновременно с публикацией в *Вестнике* Хлебников включил стихотворение и в свой итоговый труд — нумерологический мультижанровый трактат *Доски Судьбы* ([Лист 1: Зарей Венчанный]. М., [1923]. С. 1) — в качестве стихотворного пролога¹. При этом стихотворение было снабжено авторской датировкой «28/1 22 г.».

Обе публикации стихотворения, подготовленные самим автором, практически идентичны, но не избежали опечаток. Мы печатаем текст по рукописи (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 57), повторенной в (СС III: 363–364)², но с исправлением неологизма «Предземшарвеликая» (в 29-й строке) — на «Предземшарвеликая» (по редакции в *Досках Судьбы*).

Сам факт того, что стихотворение открывало и *Вестник № 1*, и, что более важно, главное дело всей жизни Хлебникова — циклопический по замыслу, но незавершенный прогностический труд, — вне всякого сомнения, требует детального рассмотрения поэтического текста, в спрессованном виде имеющего признаки манифеста. В нашей работе мы солидарны с позицией, сформулированной еще 40 лет назад Хенриком Бараном:

Лучшим <...> методом анализа произведений Хлебникова является «метод широких контекстов», «открытый» метод. Он предполагает рассмотрение всех текстов, не только поэтических, в виде единого корпуса, из которого вычлениаются повторяющиеся лексические единицы, а также единицы более

¹ Обстоятельства появления тиража I листа *Досок Судьбы* до конца не ясны, ибо имеющиеся данные и мемуары противоречат друг другу. Цензурное разрешение на издание I листа было получено 21 марта 1922 года. По свидетельству П. Митурича, Хлебников вносил правку в напечатанный текст (по всей видимости — правил наборную корректуру), это могло произойти не позднее 14 мая, до их отъезда из Москвы в Санталово. В любом случае, Хлебников не дожидаясь выхода в свет I листа *Досок* и мог видеть только корректурный оттиск или сигнальный экземпляр. По всей видимости, тираж появился лишь через год — в начале мая 1923 года (что зафиксировано в том числе официальным упоминанием издания в *Книжной летописи*). Тираж составил 500 экземпляров (вопреки указанному на спинке обложки тиражу 1000 экземпляров). II лист был напечатан вскоре в том же мае, а III лист — в августе. Однако цветная обложка ко всем трем листам, с указанным на ней 1922 годом (дизайн Анатолия Борисова), была, по-видимому, отпечатана еще в 1922 году, что дополнительно определило путаницу позднейших исследователей. На этой обложке все три брошюры имели заглавие «Отрывок из Досок Судьбы». При этом, кроме цветной картонной обложки работы Борисова, часть тиража III листа вышла в простой наборной обложке на тонкой бумаге — с заглавием «Доски Судьбы». Таким образом, реальная дата выхода в свет первых трех листов *Досок Судьбы* — май/август 1923 года; во всех трех 16-страничных выпусках была сквозная пагинация. Далее при цитировании мы обозначаем этот источник как ДС, с указанием номера выпуска и страницы.

² Здесь и далее, если не указано иное, цитаты из текстов Хлебникова приводятся по изданию: (Хлебников 2000–2006); далее — СС, с указанием номера тома русской дифф. и номера страницы — арабской.

высоких уровней — мотивы, образы, эпизоды и т. д., — с тем, чтобы потом установить значение (значения) всех этих единиц. Таким образом можно дешифровать и объяснить отрывки, которые в пределах одного произведения остаются непонятными³.

Формальный анализ текста мы оставляем за рамками данной работы, сосредоточившись именно на подробном комментарии и интерпретации темных мест с помощью привлечения устойчивых мотивов и образов из корпуса произведений Хлебникова разных лет.

Но прежде чем перейти к комментаторским глоссам, важно сделать еще два замечания.

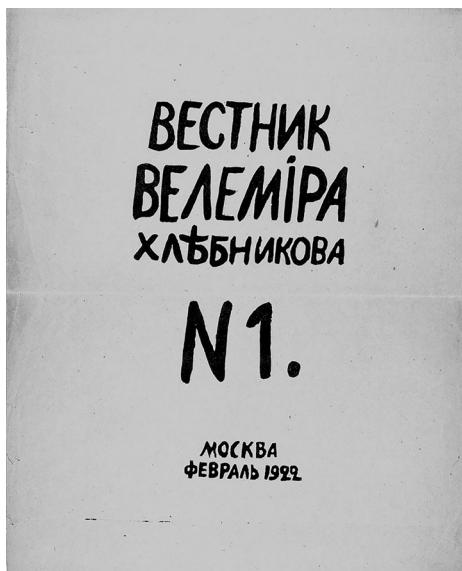
А) В брошюре *Доски Судьбы* сразу вслед за стихотворением «Если я обращаю человечество в часы...» (с. 1) шло еще одно стихотворение — «Ну, тащися, Сивка...» (с. 2), причем тоже датированное — 2 февраля 1922 года. Оно более прозрачное по семантике и тяготеющее к сказу, и оно тоже, хоть и в меньшей степени, выполняет роль программного пролога, образуя пару с комментируемым стихотворением⁴. Имя Сивка в первой строке ассоциируется со сказочным конем «Сивка-бурка, вещая каурка» из славянского фольклора, а также с волшебным «Коньком-Горбунком» из одноименной сказки П. П. Ершова (1834). Напомним, что оба сказочных коня способны летать по небу и помогают герою-протагонисту обрести счастье. Но у Хлебникова, чающего счастья всего человечества, вся планета уподоблена коню, которого поэт запряг, дабы вспахать звезды и засеять их числами (то есть знаниями о предвидении будущего): «Ну, тащися, Сивка/Шара земного./Айда, понемногу./Я запряг тебя/Сохой звездною,/Я стегаю тебя/Плеткой грезною...» (ДС I: 2; окончательная редакция: СС II: 370). Таким образом, в обоих стихотворениях, предваряющих *Доски Судьбы*, мощно реализован дискурс магического и чудесного, восходящий к фольклору. При этом стихотворение «Ну, тащися, Сивка...» — ничто иное как перепев широко известного стихотворения А. В. Кольцова «Песнь пахаря» (1831), начинающегося строфой «Ну! тащися, сивка,/Пашней, десятиной,/Выбелим железо/О сырую землю...»; у Кольцова фраза-рефрен «Ну! тащися, сивка» повторяется пять раз⁵.

³ (Баран 2002: 23); впервые эта статья была опубликована по-английски в 1983 году.

⁴ Заметим, что тексты, включенные в мультижанровый корпус *Досок Судьбы*, практически никогда не датированы Хлебниковым, что дополнительно выделяет оба стихотворных пролога.

⁵ Целый ряд стихотворений Кольцова были положены на музыку и стали популярными в народе песнями, а интересующая нас «Песнь пахаря» бытовала в том числе в виде гравированных лубков, вплоть до начала XX века. Фигура Кольцова была дополнительно реактуализована в рамках большевистской пропаганды: в апреле 1918 года появился декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» — и уже к первой годовщине Октябрьского переворота, 3 ноября, у стены Китай-города состоялось торжественное открытие памятника поэту Кольцову (работа скульптора С. В. Сырейщикова) — сохранилась уникальная кинохроника этого открытия, на котором выступали председатель Моссовета Л. Б. Каменев и поэт Сергей Есенин.

Обложка *Вестника Велимира Хлебникова* № 1 (М., 1922). Листовка (сфальцована вдвое). Литография. Обложка работы Николая Купреянова, текст рукой Петра Митурича. Листовка-буклет содержит стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» и Приказы Председателей Земного Шара, сопровождаемые подписью-автографом *Велимир Первый*.

Б) Важно привести единственную выявленную синхронную рецепцию стихотворного предисловия к *Доскам Судьбы* — саркастично названного «манифестом мага» — в крайне жесткой рецензии председателя Всероссийского Союза поэтов Ивана Аксенова, напечатанной в сентябре 1923 года в журнале *Печать и революция*:

Небольшая книжка представляет собой извлечение из труда всей его жизни <...>.

Она открывается двойным стихотворным введением. Первая его часть написана с той блестящей патетикой, которую впоследствии удачно упростил Маяковский, и дает нам манифест мага, открывшего законы, управляющие жизнью человечества. Знание этих законов, по утверждению Хлебникова, в первую голову уничтожит возможность войн, а потому, заключает он, упразднит необходимость в существовании каких-либо правительств, кроме некоторой группы во главе с предземшаром (председателем земного шара) Хлебниковым. Можно подумать, что мы находимся при проявлении одного из симптомов мании величия у параноика. Но параноиком Хлебников не был.

Он был только дегенератом в самом типичном толковании этого термина, и мысль его, как и его редкий поэтический талант, способна была совершать только очень короткие усилья, падая затем в область механического процесса нанизывания подобных самим себе элементов. С восторгом «блаженненького» Хлебников упивался количеством подобранных бирюлек, и эту свою радость считал долгом передать современникам, хотя бы при помощи невинного обмана. Возможность предсказывать счастливые и несчастные дни предприятий, к которой сводится система Хлебникова, конечно, не исключает возможности самих предприятий, и история стоит перед нами живым тому свидетелем. У Хлебникова были предшественники, а в старину ни одно сражение не начиналось без вопрошения оракулов не менее авторитетных, чем В. Хлебников: тем не менее, война благополучно дожила до времен, далеких от птице-

и кишкогаданий. Да и сам поэт лукаво проговаривается: «я знаю, что вы — правоверные волки, пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои», и, в сущности, далеко не так убежден в необходимости отмены войн, как в отмене собственной мобилизации, — вещи, по отзыву биографов для него совершенно нестерпимой. К концу этой вступительной поэмы патетика декларации, по обычаю, слабеет... (Аксенов 1923: 277–279)

Отметим, что отношение Аксенова к Хлебникову было намного сложнее, чем следует из этой рецензии. Так, в статье «К ликвидации футуризма» (1921), еще при жизни Велимира, Аксенов констатировал: «В. Хлебников, как бы к нему, или, верней, к его поэзии не относиться, является родоначальником всей новой, недавно, а теперь всей современной русской поэзии» (Аксенов 1921: 86). А через год после названной рецензии, в своем докладе на вечере памяти Хлебникова в РАХН (30 мая 1924), Аксенов высказался о математической историософии и «законах времени» поэта гораздо политкорректнее, а о нем самом сказал так: «При всем том уважении, которое вызывал этот человек во всех людях, <...> которых он встречал, его работа наложила отпечаток и оказала влияние на всех его современников <...>. Влияние его на русскую поэзию не прекращается, а скорее растет <...>» (Аксенов 2012: 55 и 60)⁶.

2. Комментарий

1. ...я обращаю человечество в часы... —

Образ часов у Хлебникова связан с поиском законов времени, которые должны спасти человечество от разрушительных войн. В первых же строках *Досок Судьбы* Хлебников проецирует на себя роль часовщика, а метафора мира как часов восходит, по-видимому, к ньютоновскому представлению о Боге как механике Вселенной: «Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего» (ДС I: 3; СС VI-2: 9). В конце 1921 / начале 1922 года поэт неоднократно разворачивает метафору часов, присваивая себе роль демиурга. Так, например, фразой «Часы человечества. Набивальщик чучел» Хлебников первоначально озаглавил большую нумерологическую поэму, которая затем, уже без этого заглавия, вошла в структуру сверхповести *Зангези* в качестве восемнадцатой «плоскости»⁷. Кроме того, он дважды констатирует в поэтических текстах: «Хороший плотник часов, / Я разобрал часы человечества, / <...> Вновь переделал все времена...» — в *Зангези* и в автономной стихотворной миниатюре:

⁶ См. также: (Парнис 2012: 21–53).

⁷ Первая строка этой поэмы/плоскости: «Нет, не бывает у бури кавычек...» В набросках ранних планов *Зангези* в хлебниковской рабочей тетради «Гроссбух» эта поэма упоминается также под названием «Проповедь» или «Проповедь о 3^й» (см. описание автографов в недавней работе: (Сверхповесть Зангези 2021: 59 и 113). Далее цитаты из сверхповести даются не по СС, а по этому новейшему изданию с текстологией Рональда Вроона, наиболее аутентичной хлебниковскому тексту.

Обложка брошюры
Отрывок из "Досок Судьбы": [Лист I]
 (М., [1923]). Литография. Обложка работы
 Анатолия Борисова. На первой странице бро-
 шюры напечатано стихотворение
 «Если я обращаю человечество в часы...»

Фрагмент из «Зангези»:

<...>

Хороший плотник часов,
 Я разобрал часы человечества,
 Стрелку верно поставил,
 Лист чисел приделал,
 Вновь перечел все времена,
 Гайку внедрил долотом.
 Ход стрелки судьбы железного неба
 Стеклом заслонил:
 Тикают тихо, как раньше.
 К руке ремешком прикрепил
 Часы человечества.
 Песни зубцов и колес
 Железным поют языком.
 Гордый, еду, починкой мозгов.

<...>

(*Сверхповесть Зангези* 2021: 91)

Отдельный текст:

* * *

Хороший работник часов,
 Я разобрал часы человечества.
 Стрелку судьбой поставил верно.
 Звездное небо из железа и меди.
 Вновь переделал все времена,
 Снова сложил зубцы и колесики,
 Гайки искусно ввинтил моим долотом.
 Тикают, точно и раньше.
 Идут и ходят, как прежде.
 Ныне сию гордый починкой мозгов.

(СС II, 362)

В письме к Петру Митуричу, датированному 14 марта 1922 года, Хлебников пишет: «Мысленно носите на руке приделанные ремешком часы человечества моей работы...» (СС VI-2, 213). А на страницах *Досок Судьбы* метафора циклично двигающейся стрелки часов сопровождает примеры судьбоносных интервалов 3ⁿ, которые потом сотнями конкретных примеров будут появляться на страницах хлебниковского трактата:

...скрывался стройный, тикающий пылающими, взорванными столицами государств, ход часов человечества. Тем, у кого нет обыкновенных часов, бесполезно носить большие часы человечества и прислушиваться к их стройному ходу: тик-тик-тик! Через промежутки времени вида 3ⁿ дней второе событие движется наоборот первому, в обратном направлении, точно встречный поезд, грозя крушением делу первого события. (СС VI-2, 16)

Где я ношу на руке, на ремешке, часы человечества и изредка проверяю их ход по сдвигам земной коры и ходу мировых светил. <...>

Где советский переворот наступил через 3⁵ дней после начала власти Керенского и падения царей, а день выстрела в Мирбаха и восстание левых эсеров было через 3⁵ дней после начала Советской власти. (СС VI-2, 25)

II. ...вылетит <...> как ненужная ижица... —

Буква *v* в старославянской азбуке, а также в дореформенном алфавите. Происходит от греческой буквы ипсилон (*v*). В дореформенной орфографии ижица использовалась для обозначения гласного звука [и] в немногих словах греческого происхождения. Буква стала ненужной в процессе развития русского языка и была исключена в рамках реформы, проведенной Петром I в 1707–1708 годах; в дальнейшем она была восстановлена и окончательно упразднена большевистским Декретом о новой орфографии 1918 года⁸.

В стихах и прозе Хлебникова неоднократно встречается прием метафоры, построенной на редукции буквы, дающей трансформацию слова (см., например, в стихотворении «Печальная новость» и в свержповести *Зангези*). Приведем яркий фрагмент из IV листа *Досок Судьбы*, где емко описаны апогеи двух русских Революций — декабрь 1905 и февраль 1917 — через трансформацию буквы Р (Рцы), когда «вылетевшая Эр» превратила Пресню в Песню, а Рцы, покинувшее дворцы, означает крах династии Романовых:

Созерцая значение 2¹² и 2¹⁴, я был очарован расходящимися кругами свободы по руслу роста, растущего объема событий.

Зная, что между освобождением крестьян и восстанием Пресни прошло 2¹⁴ дней (1861 и 1905 годы), я внимательно смотрел на «кобылицу свободы» —

Отблеск ножа в ее синих глазах,
Не самодержавию бег удержать —

и я заметил, что дикий всадник свободы сделал 2¹² ударов копытом о землю времени, и каждый удар был сутками с черной половиной ночи и белой половиной дня. Он проскакал это время от пылающей под снарядами Мина Пресни, когда Эр вылетело из Пресни и Пресня стала Песней, до отречения царей, падения самодержавия, этой заключительной точки в страшной погоне —

Цари в пыли, с уздечкою в руке,
Вдруг сброшенные наземь.
И рцы покинуло изгнанником дворцы —
И стукнул 2¹² раз о землю...

(СС VI-2: 43; курсив наш).

⁸ См. подробнее: (Истрин 1988: 161–164).

III. Почечуй (устар.) —

геморрой. Народное название болезни геморроидальных вен прямой кишки еще лишь однажды встретится у Хлебникова в исторической поэме *Марина Мнишек* (1913/1914) — в реплике старого князя: «Сегодня у Потоцкого ночуем./ Он дома, он хандрит. Он болен почечуем...» (СС III: 134).

IV. Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны... —

Эпитет «пружинный» по отношению к войне следует понимать в его визуальном инварианте: пружина = спираль. Другими словами, Хлебников констатирует спиральный ход истории — порочную цикличность человеческого самоистребления. Образ воюющего человечества напрочь лишен какого-либо пафоса — и спроецирован на сидящего в «креслах войны» больного геморроем, тысячелетиями бессмысленно истекающего кровью. См. также последнюю пьесу Хлебникова *Пружина чахотки* (1922).

V. ...зачеловеческие сны. —

Зачеловек отсылает к понятию Фридриха Ницше о «сверхчеловеке» (ср. в манифесте «Труба Марсиан» 1916 года: «Мы зовем в страну <...> где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и, как токарь, обращается с своим завтра» (СС VI-1: 249)). Ср. также с заумным языком как грядущим языком всей планеты, о котором Хлебников писал в 1919 году в декларации «Художники мира!» (СС VI-1: 158). Ср. также название сверхповести *Зангези* и авторское определение ее жанра как «заповести». Исследователями отмечалось, что «Хлебников любил префикс “за”, он был для него знаком трансценденции, превосхождения: проникнуть *за* данность человека, мира, языка, за очевидные слои формы и смысла вещей — и не просто проникнуть, но и подвинуть эти вещи на переход, скачок, бросок к метафоре, к преображению» (Семенова 2016: 385)⁹. Отметим попутно еще несколько неологизмов такого рода, с их семантическим потенциалом выхода за пределы, *запредельности*: «залюба», «залюбрь», «замирный», «заокий», «зарейшина» (от «старейшина»), «засвет», «заука» (от «наука»), «заулей», «заумец», «защитязь», «заявный» и др.

VI. Я знаю, что вы — правоверные волки... —

Ср. с антивоенным стихотворением «Где волк воскликнул кровью:/ “Эй, я юноши тело ем”...», впервые опубликованном в альманахе «Взял: Барабан футуристов» (Пг., декабрь 1915), а позднее включенном в монтажную поэму *Война в мышеловке* (1919). Ср. также с метафорой «столетья-волка» («Жестяной подсказчик...», 1922) и с «волчьей» проекцией в миниатюре «Царское Село» (1921):

Где выходили цари,
Чтоб выть зимой

⁹ Благодарю Д. В. Карпова, обратившего наше внимание на эту статью.

Над крышами дворцов,
 Подняв головы к звездам,
 И ползал царский полк, как волки,
 Вслед за венценосным вождем
 На четвереньках по площади —
 Любимый полк царя,
 Которому водка
 Не была лекарством от скуки.

(СС II: 315)

Не исключено, что в комментируемой строке отождествление власть предержащих с волком обусловлено и мифо-лингвистической семантизацией согласных звуков (букв), как, например, в трактате «О простых именах языка» (1916): «Сквозь *В*-имя сквозит действие вычитания. В-именем начинаются имена животных, наносивших вред сельскому быту древних: волк, вепрь, ворон, воробей, вор, война, войско, вождь, вон, вынуть, враги; в области частного быта: врун, врозь (ломание веры), виноватые» (СС VI-1: 119). Волчий след имплицитно присутствует и в характеристике государств в программном «Воззвании Председателей Земного шара» (1916):

Вы недовольны, о государства
 И их правительства,
 Вы предостерегающе *щелкаете зубами*
И делаете прыжки <...>.
 Мы, в силу мятежного права
 И неоспоримые в своем первенстве, <...>
 И объявившие себя Председателями Земного Шара,
 <...> мы отрицаем господ,
 Именующих себя правителями,
 Государствами и другими книгоиздательствами
 И торговыми домами «Война и К°»...

(СС III: 171–172; курсив наш)

VII. Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои... — Амбивалентный образ, с одной стороны, «пятерка выстрелов» может отсылать к основному стрелковому вооружению русской армии — 3-линейной винтовке Мосина, которая заряжалась обоймами по пять патронов. Для Хлебникова армейская винтовка была повседневной реалией на протяжении около двух лет — сначала в ходе военной службы с весны 1916-го и вплоть до Февральской революции, а затем позднее, в пору его проживания в советском общежитии с военными моряками в Баку и пребывания в Персии. С другой стороны, не вполне ясно как с ружейными выстрелами соотносятся слова «пожимаю свои»: а) вряд ли речь идет о пожатии рук (тогда «пять выстрелов» — это пять пальцев ладони); б) не исключено использование глагола «пожимать» в его устаревшем значении «надавливать» (тогда быть может

имеется в виду зажимание ран от выстрелов, в прямом или переносном значении). Ср. в создававшейся весной того же 1922 года поэме *Синие око-вы* эффектный образ с «выстрелом слов сквозь кольчугу молчания» (СС III: 375), а также в поэме *Каменная баба* (1919) признание в ежедневном ожидании выстрела в себя:

«Как много стонет мертвых тысяч
Под покрывалом свежим праха!
И я последний живописец
Земли неслыханного страха.
Я каждый день жду выстрела в себя.
За что? За что? Ведь всех любя,
Я раньше жил, до этих дней,
В степи ковыльной, меж камней». —
Пришел и сел. Рукой задвинул
Лица пылающую книгу.
И месяц плачущему сыну
Дает вечерних звезд ковригу.

(СС III: 193)

VIII. ...шорох судьбы-иголки <...> чудесной швеи... —

Образ швеи-судьбы проходит лейтмотивом в поздних текстах Хлебникова. См., например, в воззвании «Люд и лад» (1917): «Так шьет швейный станок судьбы, прокалывая иглой точки рождения закономерным узлом на полотне человеческого рода» (СС VI-1: 262). Ср. в нумерологических заметках, озаглавленных «Разговор из “Книги удач”» (1917): «Судьба работает тонко и точно, как швейный прибор. Ее узоры особенно красивы в законе рождения подобных смертных людей — подобников. Вот узоры ее иглы. <...> Десять столетий исполнены зарева пожаров, крови и пламени; рукой трудолюбивой швеи вытканы латы и оружие. <...>» (СС VI-1: 136–137).

Хлебниковская судьба-игла-швея может ассоциироваться с парками (мойрами) — античными богинями судьбы. Но, кроме того, игла может быть рассмотрена как инструмент для письма. На полях *Вестника № 1*, справа от комментируемого стихотворения, имеется надпись: «Вестник будет писаться иглами дикобраза» (примечательно удвоение буквы «о» — острающая опечатка, допущенная Митуричем при литографском издании, должна была понравиться поэту: *дикобраз* vs *дико-образ*). Провозглашая, что «Вестник» будет писаться иглами дикобраза, поэт метонимически говорит об остроте, радикальности, и едва ли не тактильной осязаемости своих текстов — способных в том числе уколоть, пронзить читателя.

Спустя несколько недель после издания *Вестника № 1*, в своей последней прозе «Ветка вербы» (датированной 30 апреля 1922) Хлебников вновь вспоминает перо из иглы дикобраза (привезенное им из Персии летом

1921 года), указывая, что от выбора орудия письма может зависеть взгляд творца: «Я пишу сейчас засохшей веткой вербы <...>. Прошлая статья писалась суровой иглой лесного дикобраза, уже потерянной. <...> Эта статья пишется вербой другим взором в бесконечное...»¹⁰ (СС V: 367).

IX. Я затоплю моей силой мысли потопом... —

Уподобление силы своей мысли (то есть «законов времени») библейскому потопу далеко не самая мегаломанская метафора в текстах поэта. Перечислим все самопрезентации хлебниковского «Я» в данном стихотворении:

Я обращаю человечество в часы...
 Я вам расскажу, что я из будущего чую...
 Я знаю...
 Я затоплю моей силой мысли потопом...
 Я расскажу, что вселенная — с копытю спичка...

Оппозицией авторскому «Я» выступает «Вы» («человечество», «род людей», «правовверные волки», «холопы глупости», «гайки правительств») — то есть и человечество в целом, и власть предрежащие в частности. На 34 строки текста местоимения «Я» и «Вы» (вместе с производными «вам» и «вашей») встречаются в стихотворении 12 раз. При этом наибольшей концентрации они достигают в первых трех строфах.

X. Сказочно выросший Китеж... —

Китеж, мифический русский город, скрывшийся под водой от нападения хана Батыя. Согласно поверьям, избранные могут слышать колокольный звон в церквах затопленного города. Хлебников вновь говорит о своих казалось бы подчеркнуто позитивистских «законах времени» на языке сакрально-магическом — как о потопе, который сметет все «постройки правительств», но поднимет из бездны (или из иного измерения) сказочный Китеж... В *Досках Судьбы* фольклорный град Китеж будет вновь упомянут, но превращен в Читеж-град (то есть Число-град; ср. с другим хлебниковским неологизмом — «Числоводск», образованным от топонима Кисловодск):

...мое сознание походило на сознание путника, перед которым вдруг выступили зубчатые башни и стены никому не известного города.

Если в известном сказании Китеж-град потонул в глухом лесном озере, то здесь из каждого пятна времени, из каждого озера времени выступал стройный многочлен троек с башнями и колокольнями, какой-то Читеж-град.

Такие ряды, как $1053 = 3^{3+3} + 3^{3+2} + 3^{3+1}$, где число членов равно основанию, показатель старшей степени дважды взятая тройка, а другие показатели убывают на единицу, или всем знакомое число $365 = 3^5 + 3^4 + 3^3 + 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1$,

¹⁰ Отметим также, что одна из рабочих тетрадей 1921 года с записями вычислений для *Досок Судьбы* содержит запись: «Ручка дикобраза. Бессмертие» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 91).

с одной стороны, вскрывали древнее отношение года к суткам, с другой стороны, древнему сказанию о Китеж-граде давали новый смысл.

Город троек со своими башнями и колокольнями явно шумел из глубины времени. Стройный город числовых башен заменил прежние пятна времени. (ДС I: 5–6; СС VI-2: 12).

XI. ...гайка будет послушна нашей отвертке... —

В текстах Хлебникова неоднократно упоминаются «гайка», «шуруп», «шестерни», «отвертка», «долото», «бурав», «сверло». Это инструменты часовщика и плотника — и того, и другого поэт проецировал на себя, как на мастера, постигающего законы Времени («я разобрал часы человечества...», «зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски...», «идемте, о, плотники, стругать столетья...» и т. п.). В поразительной поэме *Ладомир* (1920), с ее зашкаливающим пафосом и патетикой, поэт-плотник предстает не иначе как творцом Вселенной: «Надень на небо молоток, / То солнце на два поверни, / Где в красном зареве восток, — / Крути колеса шестерни...» (СС III: 247). Ср. также в раннем мультижанровом эпосе *Дети Выдры* (1913):

Меж шестерней и кривошипов
Скользит задумчиво война,
И где-то гайка, с оси выпав,
Несет крушение шатуна.
Вы те же, 300, 6 и 5,
Зубами блещете опять,
Их вместе с вами, 48,
Мы, будетляне, в сердце носим
И их косою травы косим.
Нас просят тщетно: мир верни,
Где нет винта и шестерни.
Но будетлянин, гайки трогая,
Плаща искавший долго впору,
Он знает, он построит многое,
В числе для рук найдя опору...

(СС V: 245)

XII. ...девушка с бородой / Бросит обещанный камень... —

Сложный образ, соотносящийся с идеями о первоначальной андрогинности человека и отсылающий к алхимическим поискам идеального абсолюта, но также и к библейским словам Иисуса: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Иоанн 8: 7). Кроме того, возможно, здесь отсылка к религиозной архаике «бородатых Венер» (служительницах культа Молоха) и к скандальному трактату Василия Розанова *Люди лунного света: Метафизика христианства* (СПб., 1911), посвященного исследованию христианского табуирования сексуальности (первая глава этой книги называется «“Бородатые Венеры” древности»).

Вместе с тем, следует соотнести комментируемый образ с написанными тремя месяцами ранее строчками из драматической поэмы *Ночной обыск* (ноябрь 1921): «И девушек лицо у Бога, / Но только бородатое. / Двумя рядами низко / Струится борода...» (СС IV: 96–97). Следовательно, загадочная «девушка с бородой» вполне дешифруется — это Иисус Христос¹¹. Таким образом, приход «шайки председателей земного шара», которые подчиняют своей воле все правительства всех стран мира, уподобляется второму пришествию Христа, роль которого апроприирована Хлебниковым. Но при этом его демиургический пафос вовсе не довольствуется ролью «Бога» или «богочеловека», ибо параллельно он пишет в свержповести *Зангези*: «Ежели скажут: ты бог, — / Гневно ответь: клевета, / Мне он лишь только до ног! / Плечам равна ли пята?..» (*Сверхповесть Зангези* 2021: 92). Ср. также в более ранней монтажной поэме *Сестры-молнии* (1918–1921):

Хочу быть глаголом:
«Аз есмь Бог»
И в доме веселом
Звать топотом ног.
.....
Красивой дороги, чтоб жить, ищу.
Тревога.
Вытешу, вытешу, вытешу
Тело нового бога.
Небо, будь камнем!
Даль высока мне...

(СС V: 298–299)

¹¹ Отметим попутно многократное самопортретирование Хлебникова в стихах и прозе, когда он пишет о своих длинных волосах — сближая тем самым собственный гендер с андрогинным абсолютном, и одновременно проецируя свой облик с длинными волосами и бородой на традиционную иконографию Иисуса Христа. См. в этом контексте, например, строки из раннего стихотворения «Крымское» (1908): «Но мне, с душою женомужа...» (СС I, 408), или желание поэта-мессии «...Отрубить в ущелье Зоргама / Темные волосы Харькова, / Дона и Баку, / Темные вольные волосы, / Полные мысли и воли...» («Пасха в Энзели» (1921); СС II: 189), или см. фрагменты из целого ряда поздних вещей: «...я буду служить вам обедню, / Как волосатый священник с длинною гривой, / Пить голубые ручьи чистоты, / И страшных имен мы не будем бояться» («Детуся! Если устали глаза быть широкими...»; СС II: 219), «Где волосы, развеянные сечью, / И мимо глаз и на плечах, / И время, вспугнутое речью, / Дрожит в молчания лучах...» (СС II: 227), «Я вышел юношей один / В глухую ночь, / Покрытый до земли / Тугими волосами. / Кругом стояла ночь, / И было одиноко, <...>. / Я волосы зажег, / Бросался лоскутами колец / И зажигал кругом себя. / Зажег поля, деревья, / И стало веселей. / Горело Хлебникова поле. / И огненное Я пылало в темноте. / Теперь я ухожу, / Зажегши волосами... / И вместо Я / Стояло Мы!» (СС II: 284). См. также мифопоэтический фрагмент «Я, волосатый реками...», вошедший в поэму *Азы из узы* (1921) и в *Зангези* (СС III: 278; СС V: 342). Кроме того, см. работу, где акцентирован андрогинный аспект: (Ораич Толич 2004: 321–352).

ХIII. ...самоубийством правительств... —

Речь идет об отмене государств (и, соответственно, их обанкротившихся правительств, запустивших мировую бойню человеческого самоистребления). Ср. в тезисах весны 1917 года: «Кто первый вскочил на хребет дикому року? Только мы. Нам не нужно седла. Мы скачем, рукою о рок зазвенов. Наши удары весел. *Самоубийство государств*. Кто подставил меч? Мы — в седле. Петля на толстой ноге Войны» (СС VI-1: 267). Лапидарная фраза в дневнике — «Основание Государства Времени» — датирована 18 декабря 1915 года (СС VI-2: 230) и связана с выходом Хлебникова на новый уровень поисков цикличности исторических событий. А начиная с 1916 года он в самых разных текстах неоднократно пишет о скором исчезновении (отмене, смерти, самоубийстве) «государств пространства» и появлении взамен них планетарного «государства времени» — подробно развертывая эту утопию в манифесте «Труба Марсиан» (1916): «Люди прошлого не умнее себя, полагая, что паруса государства можно строить лишь для осей *пространства*. Мы, одетые в плащ только побед, приступаем к постройке молодого союза с парусом около оси *времени*. <...> Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени» (СС VI-1: 246 и 250). Ср. в манифесте «Ляля на тигре» (1916, первая публикация в 1918): «Мы знаем твердо, что мы не повторимся на земном шаре. Чтобы оставить по себе памятник <...>, мы <основали> государство времени» (СС VI-1: 258).

Хлебников мечтал о «свободе Земного шара» — о полном уничтожении границ между государствами, а также об уничтожении государства как глубоко порочного социально-политического института, бесконтрольно и варварски распоряжающегося судьбами людей. Он чает «слияния всех государств в общину земного шара» (СС VI-1: 133), ставит задачу «построить первое государство звезды» (СС VI-1: 135). Один из своих текстов он подписывает не иначе как «Взирающий на государства Велимир Хлебников» (СС VI-1: 137). Сразу после Февральской революции Хлебников пишет экстатическое «Воззвание Председателей Земного Шара», где многократно констатирует порочность и людоедство «государств пространства»: «Мы говорим, что не признаем господ, именующих себя государствами, правительствами, отечествами и прочими торговыми домами...» (СС VI-1: 263).

Хлебников считал, что выявленные им закономерности мировой истории способны дать ключ к существованию без правительств. Среди разрозненных набросков и черновиков к *Доскам Судьбы* можно найти еще немало инвектив в адрес государств и правительств, в частности, такие: «бросить королей с палубы Земного шара. <...> Законы прошлого — ворота в законы будущего, которым надлежит заменить правительства. Вместо правительств будут учебники будущего и союзы для понимания» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 20–21). А, например, одну из тетрадей с записями вычислений 1922 года сопровождает запись: «Уставы звезд. Могила власти» (Ед. хр. 94).

XIV. *Бесповеликая* —

по-видимому, неологизм от глагола повелевать. Соответственно, Хлебников рассказывает, что он «из будущего чувствует» чаемую Землю, где человечество будет «бесповеликим», то есть избавленным от каких-либо «повелений», принуждений и рабской покорности (неслучайно в четвертой строфе упомянуты холопы, то есть бесправные, покорные воле господ).

XV. *Повилика* —

разнообразные растения рода повилика (лат. *Cuscuta*); имеют две сотни видов, относятся к семейству вьюнковых. В диалектном значении — любое вьющееся растение без корней, обвивающее стеблем другие растения и питающееся от них. В контексте стихотворения строку «Будь ей [то есть Земле] песнь повеликою» следует трактовать так: песнь (поэзия) будет питаться гармонией мира, осчастливленного «законами времени».

XVI. *...вселенная — с копотью спичка...* —

В нескольких текстах Хлебникова спички появляются как метафора декодированной Вселенной, Времени, законов человеческого социума. Ср. в стихотворении «Вы помните? я щеткам сапожным...» (1915; спустя четыре года оно вошло в поэму «Война в мышеловке»): «Я, <...>, / Весь род людей сломал, как коробку спичек, / И начал стихи читать. / Был шар земной / Прекрасно схвачен лапой сумасшедшего! / За мной! / Бояться нечего!» (СС I: 346; СС III: 175). В черновых набросках 1922 года к *Доскам Судьбы* мысль Хлебникова изложена более прозрачно: «Кто зажигал эти миры? Где спичка? <...> все относительно, и если для нас вселенная больше атома, то для другого мыслящего существа, с железной силой существующего рядом с нами, вселенная принимает размеры атома, а атом — размеры вселенной» (СС VI-2: 101).

Черновым вариантом заглавия «Досок Судьбы» было — «Спички Судьбы». В стихотворении «Как стадо овец мирно дремлет...» (1921) многократно фигурируют *спички судьбы* — образ прирученного Рока, то есть понятого в своих закономерностях и потому уже не страшного Времени:

...Небо грозное, полное туч, —
Первая коробка для спичек,
Грозных для мира.
Овцы огня в руне золотом
Мирно лежат в коробке.
<...>
А я же, алчный к победам,
Буду делать сурово
Спички судьбы,
Безопасные спички судьбы!
Буду судьбу зажигать,

Разум в судьбу обмакнув.
 — Мы с нами, спички судьбы,
 Спички из рока, спички судьбы.
 Кто мне товарищ?
 Буду судьбу зажигать,
 Сколько мне надо
 Для жизни и смерти.
 Первая коробка
 Спичек судьбы —
 Вот она! Вот она!

(СС II: 166–167)

XVII. ...застрелившийся кто-то... —

Ср. с предисловием «Зарей Венчанный» к I листу *Досок Судьбы*, которое Хлебников датирует 16 января 1922 года и сопровождает фразой: «Москва. День мертвеца у соседей (час выноса)» (ДС I: 3). Таким образом, поэт вскользь включает и в стихотворение, и в *Доски Судьбы* макабрическую реалию — похоронную процессию, которую, по всей видимости, он наблюдал 16 января, около полутора-двух недель проживая в квартире Бриков/Маяковского по адресу Водопьяный переулок, дом 3 (на углу с Мясницкой), квартира 4¹² (хозяйка, Л. Ю. Брик, в это время находилась в Риге).

Тем самым проясняются финальные строки программного стихотворения: «...И моя мысль — точно отмычка / Для двери, за ней застрелившийся кто-то...» — в них Хлебников символически проецирует фигуру безымянного покойника на Рок (судьбу). «Застрелившийся кто-то» — это побежденный числовыми «законами времени» Рок.

Рок (то есть судьба, фатум, провидение) неоднократно встречается в декларативных текстах Хлебникова. См., например, в неопубликованном при жизни наброске «Рок, берегись!», сохранившемся в архиве поэта Григория Петникова и относимом к концу 1916 года:

Задача измерения судеб совпадает с задачей искусно накинуть петлю на толстую ногу *рока*. Вот боевая задача, поставленная себе будетлянином. <...> *Рок*, оседланный и взнузданный, берегись! Будетлянин железной рукой взял повод. Затянул удилами твой конский рот! Еще удар ветра, и начнется новая дикая скачка погони всадников *рока*... (СС VI-1: 260; курсив наш)

Ср. также в тезисах к выступлению (весна 1917): «Охапка уравнений *рока*. <...> Кто первый вскочил на хребет дикому *року*? Только мы. Нам

¹² Хлебников приехал в Москву 28 декабря 1921 года, после почти трех лет скитаний. 14 января 1922 года он написал родителям письмо в Астрахань, сообщая в качестве своего временного адреса в Москве адрес Бриков (см.: СС VI-2: 212). Кроме того, 18 января он заполнил анкету Всероссийского союза поэтов, вновь указав в качестве места проживания ту же квартиру (но сделав ошибку в номере дома): «Мясницкая, Водопьяный переулок, д. 4, кв<артира> О. М. Брик» (СС VI-2: 246).

не нужно седла. Мы скачем, рукою о рок зазвенев...» (СС VI-1: 267). Рок, побеждаемый открытым Хлебниковым «законом времени», неоднократно упоминается в его нумерологических *Досках Судьбы*.

Интересно, что прокомментированная выше январская макабрическая реалия в третий раз появится на первой странице рукописных материалов к VI листу («Жезл Жизни») — где вверху стоит надпись «День мертвеца». Ее можно воспринимать как подобие подзаголовка; ниже идет фраза «Эту книгу печатает первый отряд борьбы с мировой глупос<тью>»¹³.

XVIII. <28 января 1922> —

Хотя в *Вестнике №1* стихотворение напечатано без авторской датировки, эта дата, по-видимому, была значима для Хлебникова: неслучайно он снабдил стихотворение датировкой «28 / I 22 г.» при его републикации в качестве пролога к *Доскам Судьбы* (см. выше нашу преамбулу к комментарию). Примечательно, что в его основной рабочей тетради последних лет, так называемом «Гроссбухе», имеется крупная запись на внутренней стороне обложки: «28 I 22 / стихи ижица / часы человек<ества>» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 64). Мы можем предположить, что этой мнемонической записью он маркировал не только дату создания рассмотренного нами стихотворения, но и окончание работы над I листом *Досок Судьбы*, — а также свое решение поставить это стихотворение в качестве поэтического пролога к главному труду всей своей жизни.

3.

Осталось сказать, что в новейшем Собрании сочинений в кратком комментарии к стихотворению приведен по рукописи (РГАЛИ) первый набросок его начальных строк, ранее дважды печатавшийся как самостоятельный текст под заглавием «Крыса»¹⁴:

КРЫСА

Если я буду носить
Наше это человечество часами ремня
Спокойно, лениво,
Искру какого кремня
Высечет речи огниво?
Если

¹³ Слово «первый» в автографе предшествуют отвергнутые эпитеты «полевой» и «летучий». Еще ниже нарисован чертик, простерший руки в поклоне, а внизу страницы в две колонки дан черновой набросок тем или глав *Досок Судьбы*, причем вновь дублируется фраза «День мертвеца 18 стр.» — что укрепляет наше предположение, что эта фраза могла быть рабочим заголовком (или подзаголовком) для очередного прогностического выпуска-брошюры — «листа» из *Досок Судьбы* (см. репродукцию и транскрипцию этого автографа в: (Velimir Chlebnikov's Doski Sud'by 2010: 14–16)).

¹⁴ См.: (Хлебников 1923: 9) и (Хлебников 1928–1933: 93).

— произнеся заклинание, маг обретает возможность ясновидения («чую») и прорицания, его восприятие мира обостряется (он слышит шорох иглы судьбы) и выходит на следующий уровень магических действий;

— необходимо перестроить мир, основываясь на новых законах (то есть переписать историю войн на историю мира), для чего необходимо вернуть мир в его первоначальное состояние (до-историческое и «до-потопное» рассматриваются здесь буквально);

— в связи с этим, магией заклинания — упоминанием или названием — вызывается новый всемирный потоп, являющийся «потопом мысли»; <...> мир должен исчезнуть под «потопом силы мысли»;

— из «озер словесной воды» вырастает сказочный Китеж, построенный новой мыслью, основанной на числе. Число берет власть над Словом;

— в новом мире понадобится-таки правительство, которым и станет «шайка председателей земного шара»;

— однако это временное правительство земли необходимо только для того, чтобы объединить все существующие правительства в единую машину управления, послушную отвертке «шайки»;

— после этого происходит магическое превращение самого заклинателя в сказочное существо, которое (по условиям мифологических договоров) и бросает свой «обещанный камень» — философский камень мудрости, после чего в мире наступит гармония, а земля станет «бесповеликая», то есть человечество станет самоуправляющимся.

Таковы сила и последствия магического ритуала, выстраиваемого писателем по всем законам магии (Константинова 1995: 400–401).

Исследователь констатирует, что в тексте присутствует эффект неожиданности: «от оксюморонной лексики до “оксюморонного синтаксиса”, от нетрадиционно использованной метафоры с обнажением приема, до “стигматического изображения”» (Константинова 1995: 386). Приведем также ее остроумное наблюдение о том, что предваряя свой всеобъемлющий историософский труд *Доски Судьбы* данным стихотворением, Хлебников тем самым начинает с магического акта удаления «корня зла»: «Раскручивая циферблат метафорических часов человечества, Хлебников учитывает реальные физические законы, описывающие процессы вращения: под воздействием центробежных сил <...> война, будучи сепарирована от человечества, просто-таки обречена “вылететь вон”» (Константинова 1995: 386–387). — Вылететь, по словам поэта, «как ненужная ижица».

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов Иван. «К ликвидации футуризма». *Печать и революция* 3 (1921): 82–98.
- Аксенов Иван. «О Хлебникове (1924)»/публ. и коммент. А. Парниса. *Aksenov and the Environs = Аксенов и окрестности*/ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 55–76.
- Аксенов Иван. «[Рец. на книгу]: Велемир Хлебников. Отрывок из досок судьбы. М., 1923». *Печать и революция* 5 (1923): 277–279.
- Баран Хенрик. «Поэтическая логика и поэтический алогизм Хлебникова». Баран Хенрик. *О Хлебникове: Контексты, источники, мифы*. Москва, 2002: 19–49.

- Истрин Виктор. *1100 лет славянской азбуки*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1988.
- Константинова Марина. «Поэтическая прелюдия к “Доскам Судьбы”». *Russian Literature XXXVIII/IV* (1995): 385–408.
- Ораич Толич Дубравка. «Хлебников и женщина: К андрогинной мифопоэтической системе». *Russian Literature LV/I–III* (2004): 321–352.
- Парнис Александр. «Из истории хлебниковедения: о неизвестном докладе И. А. Аксенова (1924)». *Aksenov and the Environs = Аксенов и окрестности* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 21–53.
- Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомехин. Москва, 2021.
- Семенова Светлана. «“Зачеловеческие сны” Велимира Хлебникова». Семенова Светлана. *Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию*. Москва, 2016: 385–408.
- Хлебников Велимир. *Доски Судьбы*: [Лист I–III]. Москва, [1923].
- Хлебников Велимир. *Собрание произведений*: В 5 т. / под ред. Н. Л. Степанова и Ю. Н. Тынянова. Ленинград, 1928–1933. Т. 5.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*: В 6 т. [7 кн.] / сост., подг. текстов и примеч. Е. Р. Арэнзона и Р. В. Дуганова. Москва, 2000–2006.
- Хлебников Велимир. *Стихи*. Москва, 1923.
- «Velimir Chlebnikov’s “Doski Sud’by”»: [Лист VI] / Introd. & comment. A. Hacker. *Russian Literature LXVIII/I–II* (2010) (Special Issue).
- Vroon Ronald. *Velimir Chlebnikov’s «Krysa»: A Commentary*. Stanford, 1988.

REFERENCES

- Aksenov Ivan. «K likvidacii futurizma». *Pechat i revolyuciya* 3 (1921): 82–98.
- Aksenov Ivan. «O Hlebnikove (1924)» / publ. i komment. A. Parnisa. *Aksenov and the Environs = Aksenov i okrestnosti* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 55–76.
- Aksenov Ivan. «[Rec. na knigu]: Velemir Hlebnikov. Otryvok iz dosok sudby. M., 1923». *Pechat i revolyuciya* 5 (1923): 277–279.
- Baran Henrik. «Poeticheskaya logika i poeticheskij alogizm Hlebnikova». Baran Henrik. *O Hlebnikove: Konteksty, istochniki, mify*. Moskva, 2002: 19–49.
- Istrin Viktor. *1100 let slavyanskoy azbuki*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva, 1988.
- Hlebnikov Velimir. *Doski Sudby*: [List I–III]. Moskva, [1923].
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*: V 5 t. / pod red. N. L. Stepanova i Yu. N. Tyntanova. Leningrad, 1928–1933. T. 5.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie sochinenij*: V 6 t. [7 kn.] / sost., podg. tekstov i primech. E. R. Arenzona i R. V. Duganova. Moskva, 2000–2006.
- Hlebnikov Velimir. *Stihi*. Moskva, 1923.
- Konstantinova Marina. «Poeticheskaya prelyudiya k “Dorskam Sudby”». *Russian Literature XXXVIII/IV* (1995): 385–408.
- Oraich Tolich Dubravka. «Hlebnikov i zhenshina: K androginnoj mifopoeticheskoy sisteme». *Russian Literature LV/I–III* (2004): 321–352.
- Parnis Aleksandr. «Iz istorii hlebnikovedeniya: o neizvestnom doklade I. A. Aksenova (1924)». *Aksenov and the Environs = Aksenov i okrestnosti* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 21–53.
- Semenova Svetlana. «“Zachelovecheskie sny” Velimira Hlebnikova». Semenova Svetlana. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniyu*. Moskva, 2016: 385–408.
- Sverhpovest «Zangezi» Velimira Hlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentarij. Recepciya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustracii / sost. i nauch. red. A. A. Rossomahin. Moskva, 2021.
- «Velimir Chlebnikov’s “Doski Sud’by”»: [List VI] / Introd. & comment. A. Hacker. *Russian Literature LXVIII/I–II* (2010): (Special Issue).
- Vroon Ronald. *Velimir Chlebnikov’s «Krysa»: A Commentary*. Stanford, 1988.

Андреј Росомахин

„АКО ПРЕТВОРИМ ЧОВЕЧАНСТВО У САТ...” ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА:
ПОКУШАЈ КОМЕНТАРА

Резиме

Овај чланак је посвећен детаљној анализи једне од последњих песама Велимира Хлебникова, „Ако претворим човечанство у сат...“, коју је сам аутор објавио у програмском летку *Гласило Велимира Хлебникова бр. 1* (март 1922), а која је потом укључена као поетски пролог у *Даске Судбине* — недовршено прогностичко дело на којем је песник утописта радио много година, све до краја живота.

Коментаторске глосе имају за циљ да дешифрују „тамна места“ у тексту, као и да покажу његов посебан статус. Песму на различитим нивоима прожима патос демијурга који је открио законе не само људског постојања, већ и читавог универзума. Песма се може сматрати својеврсним резимеом целокупног опуса Хлебниковљевих антимилитаристичких текстова, чији је један од циљева уништење државе као институције која омета уједињење човечанства.

Кључне речи: Велимир Хлебников, *Даске судбине*, Председник Земаљске кугле, коментар.